

УДК 325.1

«МИГРАНТСКИЕ КЛАСТЕРЫ» В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

© 2014 Н.С. Мухаметшина

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Поступила в редакцию 23.09.2014

В статье анализируются материалы исследовательского проекта «Адаптационно-интеграционные стратегии (им)мигрантов: «кластеры» в региональном социуме (на примере Самарской области)». Сформулирована гипотеза «мигрантских кластеров» как специфической социальной практики в контексте адаптационно-интеграционных стратегий культурно отличимых (им)мигрантов в региональных социумах.

Ключевые слова: миграционная политика, стратегии адаптации, трудовые мигранты, иммигранты, городское пространство, «мигрантские кластеры».

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №14-13-63003, проект «Адаптационно-интеграционные стратегии (им)мигрантов: «кластеры» в региональном социуме (на примере Самарской области)».

Для большинства субъектов Приволжского федерального округа характерен рост численности внешних мигрантов, начавшийся на рубеже XX-XXI веков. Итоги трех последних переписей населения (1989 г., 2002 г., 2010 г.) демонстрируют изменения этнического (косвенно – и конфессионального) состава населения под влиянием миграции. За период с 1989 г. по 2010 г. в Самарской области в 2,9 раза возросли численность и удельный вес представителей кавказских и среднеазиатских народов (порядка 67 тыс. человек, 2,0%)¹. Помимо зафиксированного в ходе переписей постоянного населения, на заработки в регион ежегодно приезжают десятки тысяч мигрантов. В последнее десятилетие среди иммигрантов и временных трудовых мигрантов, осваивающих территорию и социальное пространство Самарской области, преобладают представители народов Кавказа (из Армении и Азербайджана) и Средней Азии (из Киргизии, Таджикистана, Узбекистана), Казахстана. Другими словами, подавляющая часть иммигрантов и трудовых мигрантов являются носителями нетрадиционной для региона культуры, то есть инокультурными, или культурно отличимыми мигрантами (по языку, манерам поведения, одежде, реже – по антропологическим особенностям). Эту группу населения мы маркируем термином «новые мигранты».

Потребности экономики области в использовании труда мигрантов постоянно увеличиваются². Основные страны-доноры как в настоя-

щее время, так в ближайшей перспективе – регионы и государства Кавказа, Средней Азии. В перспективе возможно заметное увеличение количества мигрантов из Китая, Вьетнама. Следовательно, численность инокультурных «новых мигрантов» будет продолжать расти.

Постоянное население Самары и Самарской области имеет опыт общения с (им)мигрантами. Например, опрос самарцев, проводившийся в мае-июне 2014 г., показал, что более двух третей респондентов (69,0%) в своей повседневной жизни общаются с иностранными трудовыми мигрантами, но в основном «очень редко» (48,5%)³. Социальные контакты, взаимодействие местного населения и мигрантов, как видим, достаточно интенсивное, в ближайшей перспективе будет еще более активным. Очевидно, что в условиях увеличения инокультурных (им)мигрантов, интенсификации социальных контактов характер взаимодействия мигрантского и старожильческого населения приобретает социально-политическую актуальность.

Опросы населения свидетельствуют, что восприятие трудовых мигрантов местными жителями имеет негативно-критический характер. Так, осенью 2013 г. 45,0% студентов самарских вузов, участвующих в опросе, ответили, что «никакие трудовые мигранты не нужны России»; 42,3% считают, что «мигранты необходимы», при этом половина (21,8%) из разделяющих это мнение считают, что «необходимы лишь те мигранты, которые приезжают на заработки, но затем возвращаются к себе домой»⁴. Опрос самарцев, проводившийся в мае-июне 2014 г., в очередной раз зафиксировал преобладание негативного вос-

Мухаметшина Наталья Семеновна, доктор политических наук, профессор, кафедра социально-гуманитарных наук. E-mail: nmukhametshina@mail.ru

приятия мигрантов-иностранцев жителями Самары. Исключение – мигранты из Казахстана, в отношении которых позитивные оценки преобладают над негативными.

В «Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года» предусматривается формирование у мигрантов и представителей принимающего сообщества навыков конструктивного межкультурного взаимодействия, разработка обучающих программ по развитию и закреплению навыков конструктивного взаимодействия⁵. Конструктивность межкультурного взаимодействия, помимо вышеназванного условия, зависит от тех адаптационно-интеграционных моделей, которые используют (им)мигрантские мезоструктурные группы, в частности этнические общины. В свою очередь на характер взаимодействия и выбор адаптационно-интеграционных стратегий мигрантскими общинами влияют такие факторы, как состояние рынка труда; культурная дистанция; частота, продолжительность, вид контактов; тип поселения; компактное, дисперсное, «кластерное» расселение. На последнем факторе остановимся подробнее.

Предыдущие исследования, например в рамках проекта «Анализ институализированных адаптационно-интеграционных практик старожильческого населения и культурно отличимых мигрантов в региональном сообществе» (РГНФ, 2012 г.), выявили специфические локусы городского пространства, на которых наиболее плотно концентрируются (им)мигранты. Другими словами, зафиксирована определенная специфика расселения культурно отличимых (им)мигрантов в городском пространстве, специфические социальные практики. Эти социальные практики расселения мы условно назвали «мигрантскими кластерами».

«Мигрантские кластеры» нельзя отнести ни к компактному, ни к классическому дисперсному расселению, поскольку они «вкраплены» в местный поселенческий массив, постоянно пересекаются и взаимодействуют с местными локальными сообществами. В «мигрантский кластер» включены объекты городского хозяйства, на которых наиболее активно используется труд (им)мигрантов, примыкающие к ним жилые кварталы, в которых относительно высок удельный вес мигрантского населения, объекты инфраструктуры, наряду с местным населением обслуживающие (им)мигрантов. Полагаем, что «кластеры» формируются стихийно, в силу как объективных обстоятельств (близость к работе, более доступное для съема либо приобретения в собственность жилье), так и субъективных факторов (стремление селиться и работать рядом со «своими»). «Кластеры» не имеют четких куль-

турных маркеров, поскольку в ареале одного «кластера» сосредоточены представители различных этнических общностей.

Признаки формирования «мигрантских кластеров» наблюдаются в Самаре, Тольятти, других городах, возможно, и в некоторых селах области. В рабочей гипотезе, солидаризуясь с позициями ряда исследователей проблем межкультурных коммуникаций (В.А. Тишков, Л.М. Дробижева, Н.М. Лебедева, К.С. Мокин, В.И. Мукомель и др.), для анализа ситуаций межкультурного взаимодействия местного населения и (им)мигрантов нами были учтены временной и пространственный факторы. В условиях «мигрантских кластеров» общение интенсивнее и разностороннее, следовательно, восприятие культурных границ, узнавание «Другого» имеет особенности. Однако как эти особенности влияют на характер межкультурных коммуникаций, на адаптационно - интеграционные процессы, на социальную атмосферу локальных сообществ и регионального социума в целом, только предстоит изучить.

Теоретико-методологическим основанием гипотезы «мигрантских кластеров» является учение П. Бурдьё о социальном пространстве⁶. Иерархическая структура символического социального пространства состоит из множества субполей, в том числе религиозных и этнических. П. Бурдьё характеризует социальное пространство как ансамбль групп (субполей), характеризующихся различным стилем жизни. Между субполями социального пространства и внутри них (между агентами) идет постоянная конкуренция. Полагаем, что такое символическое субполе образуют культурно отличимые мигранты. В данном исследовании объектом изучения выступают особые образования внутри мигрантских субполей – «кластеры», выделенные по такому топонимическому признаку, как пространство (территория) проживания.

Опираясь на информацию, полученную в ходе экспертных интервью с представителями муниципалитетов и органов местного самоуправления, лидерами и активистами мигрантских общественных организаций, администрацией и учителями учреждений образования, работодателями, работниками медицинских учреждений, ЖЭУ, районных отделений милиции, расположенных на территориях функционирования мигрантских «кластеров» и на контрольных территориях, массовых опросов, индивидуальных бесед, наблюдений, текущую отчетность министерства образования и науки Самарской области, выделены ареалы «мигрантских кластеров» в границах конкретных улиц, примыкающих к рынкам, базарам, крупным объектам строитель-

ства, ТРК и супермаркетам на территории Красноглинского, Промышленного, Кировского районов городского округа Самара. Процесс освоения городских территорий и социально-культурного пространства находится в активной фазе, следовательно, конфигурация «мигрантских кластеров» динамична. Как динамичны их социальные характеристики (профессиональный, национальный, половозрастной состав, уровень образования, семейное положение и др.). На конфигурацию «мигрантских кластеров» и их социальные характеристики существенное влияние оказывают такие факторы, как потребности рынка труда, возможности обеспечения этих потребностей внутренними ресурсами, текущее и перспективное состояние экономики региона, миграционная политика, в том числе комплекс адаптационно-интеграционных мероприятий государственных органов власти, муниципалитетов.

Вероятно, что на первоначальном этапе «мигрантские кластеры» являются инородными «телами» в социальном пространстве города. Но как долго? Каковы основные сценарии трансформаций «мигрантского кластера», какие факторы способствуют развитию того или иного сценария? Сценариев развития по сути два: интеграция в принимающее сообщество versus самосегрегация, анклавизация. И в том и в другом вариантах, что и подтверждает изучение конкретных практик адаптационно-интеграционных стратегий, возникают переходные состояния. Другими словами, какой-либо заданности, неизбежности выбора стратегии не существует. Как уже отмечалось, «мигрантские кластеры» не имеют четкой этнокультурной локализации, поскольку центром притяжения выступает не столько этническая принадлежность, сколько социально-экономические потребности мигрантов.

В рамках проекта «Изучение адаптационно-интеграционного потенциала старожильческого населения и культурно отличимых мигрантов в региональном сообществе» (2009-2010 гг.) нами было установлено, что для взаимодействия и кросс-культурной перцепции старожильческого населения и мигрантов характерным является акцентирование групповых образов. Вследствие этого широкое распространение имеют стереотипы, предубеждения, предрассудки. Конечно, личный позитивный либо негативный опыт общения также оказывает влияние на характер взаимодействия и восприятия, но, как правило, для большинства, предпочитающего конформизм, он оказывается вторичным.

Социальные контакты мигрантов с местным населением, например, совместная трудовая деятельность, соседское или статусно-ролевое взаимодействие (например, на родительском собра-

нии и других школьных мероприятиях), в большинстве случаев зависят от времени проживания в регионе. По мере увеличения срока проживания расширяются социальные контакты, «нарабатывается» социальный капитал. Однако «наработанный» социальный капитал не является распространенной практикой и снижает остроту проблем для мигрантов с большим сроком проживания в принимающей местности. На начальном этапе пребывания в регионе большинство мигрантов предпочитают селиться рядом с представителями своего народа или со своими земляками. Сторонниками не просто компактного, а изолированного поселения оказались примерно 20% участвовавших в опросе мигрантов. С опытом проживания в принимающем регионе растет число не только сторонников стратегии интеграции в принимающее сообщество, но и последователей стратегии анклавизации и самосегрегации. Почти треть респондентов с опытом проживания на территории области от 3 до 6 лет имеют низкий адаптационный потенциал, стремятся к территориальной изоляции от местного населения.

Поскольку в условиях «мигрантских кластеров» взаимодействие и социальные контакты местного населения и мигрантов по объективным причинам более частые и разнообразные, то можно предположить, что восприятие друг друга, позиции и оценки отличаются от тех, которые имеют место на «неосвоенной» либо слабо «освоенной» культурно отличимыми мигрантами территории поселения (города, муниципального сельского района). В качестве контрольного нами был выделен Октябрьский район Самары, на территории которого проживает сравнительно небольшое количество иммигрантов и временных трудовых мигрантов. Результаты опроса представителей местного населения и мигрантов, локализованных в районах, на территории которых выделены «мигрантские кластеры» (1 группа анализа) и сопоставление их с мнением местных жителей Октябрьского района (2 группа анализа) свидетельствуют об определенных различиях как в личностных характеристиках местных жителей, так и в оценках отношений между местным населением и мигрантами. Например, для каждого второго респондента 1 группы характерна позитивная этническая идентичность (50,0%), столь же высок удельный вес позитивной религиозной идентичности (46,4%), среди респондентов 2 группы соответственно 29,4% и 37,3%. Позитивная этническая и религиозная идентичности являются преобладающими типами среди респондентов 1 группы, а среди респондентов 2 группы преобладает этническая и религиозная индифферентность (45,1% и 49,0%). В 1 группе

этническая и религиозная индифферентность занимает 26,5% и 23,7% соответственно. Есть отличия и по другим типам этнической и религиозной идентичности.

Типы религиозной и этнической идентичности фиксируют прежде всего когнитивный уровень самосознания индивида, влияющий на характер межэтнического взаимодействия. Однако на эмоционально-поведенческом уровне восприятие (оценка) социального взаимодействия и социальных контактов в значительной степени определяется личным опытом, повседневными, «сиюминутными» практиками. Поэтому между показателями распространенности тех или иных типов этнической и религиозной идентичности и показателями характера межэтнического взаимодействия (толерантность / интолерантность / агрессия), как неоднократно фиксировалось в исследованиях, существуют довольно заметные различия. Так, результаты ответов на вопросы «Какие из следующих утверждений наиболее точно соответствуют характеру Вашего отношения к представителям других национальностей?» (аналогично – «другого вероисповедания») демонстрируют как различия в оценках респондентов 1 и 2 групп, так и представленную выше ситуацию (табл. 1).

большинство внешних мигрантов относятся к народам, традиционно исповедующим ислам, то, возможно, зафиксирована ситуация растущей мигрантофобии. В этой же группе есть респонденты, с трудом сдерживающие агрессию в отношении людей иной национальности либо вероисповедания. Готовность к активным насильственным действиям не зафиксирована ни в одной из групп анализа.

В целом ситуация в Самаре может рассматриваться как относительно спокойная, с признаками напряженности, обусловленной этническими и конфессиональными различиями. В районах присутствия «мигрантских кластеров» потенциал напряженности больше. Преобладающие в настоящее время слабоуправляемые процессы трудоустройства и социально-бытового обустройства мигрантов приводят к возникновению в городской среде «мигрантских кластеров». Представляется, что для снятия напряженности и предупреждения конфликтных ситуаций органам государственного и муниципального управления необходимо упорядочить систему трудоустройства мигрантов, оказывать содействие в их социально-бытовом обустройстве, гарантировать право на частную жизнь.

Таблица 1. Распределение ответов на вопросы

«Какие из следующих утверждений наиболее точно соответствуют характеру Вашего отношения к представителям других национальностей / другого вероисповедания?»
(в % к числу ответивших, n=200, национальность / религиозная принадлежность)

Утверждения	Респонденты 1 группы	Респонденты 2 группы
Никогда не испытываю отрицательных чувств только потому, что имею дело с представителем другой национальности / вероисповедания	63,3 / 67,3	70,3 / 76,5
Внешних признаков не подаю, но чувствую неприязнь	24,5 / 20,4	17,8 / 9,8
Мне трудно сдерживаться, чтобы не проявлять агрессивность	4,1 / 3,1	0,0 / 0,0
Готов к открытому проявлению агрессии	0,0 / 0,0	0,0 / 0,0
Затрудняюсь ответить	8,2 / 9,2	11,9 / 13,7
Итого	100	100

В обеих группах анализа преобладают толерантные настроения, при этом респонденты, имеющие более активный опыт взаимодействия и контактов с мигрантами, настроены менее толерантно, среди них больше таких, кто испытывает неприязнь к мигрантам. Особо отметим, что каждый пятый представитель местного населения из районов «мигрантских кластеров» испытывает неприязнь к людям иного вероисповедания. Столь высокий уровень религиозной интолерантности – нетипичное для Самарской области явление. Если учесть, что подавляющее

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Мухаметшина Н.С.* Интеграция инокультурных мигрантов: социокультурный и политический аспекты // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: сборник статей. – Самара: ПГСГА, 2013. С.36-38.

² По информации министерства труда, занятости и миграционной политики Самарской области, к 2016 г. дефицит рабочих ресурсов на региональном рынке труда может составить 65 тысяч человек / [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.trud.samregion.ru> (дата обращения 20.08.2014).

³ Проект РФФИ №14-06-00117 «Миграционные риски

России: анализ интеграционных перспектив». Руководитель академик В.А. Тишков. Исследование проведено при поддержке Распределенного научного центра национальных и конфессиональных проблем. В Самаре опрошено 200 респондентов, выборка квотная пропорциональная по полу, возрасту, образованию.

⁴ Проект Распределенного научного центра национальных и конфессиональных проблем «Молодежь в полиэтничных регионах Приволжского федерального округа».

Выборка квотная целевая по профилям высшего профессионального образования, полу и курсам обучения, n=3000, в Самаре опрошено 300 респондентов.

⁵ Режим доступа URL <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/19099.html> (дата обращения 20.08.2014).

⁶ Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. СПб.; Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 2005. 288 с.; Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

«MIGRANTS CLUSTERS» IN THE URBAN SOCIAL SPACE

© 2014 N.S. Mukhametshina

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

The article represents an analysis of the research documents of the project «(Im)migrants' strategies of adaptation and integration: «clusters» in the Samara Oblast regional community». The author enunciates the idea of «migrants clusters» as a specific social practice in the context of adaptation and integration strategies of culturally distinguishable (im)migrants within regional societies.

Key words: migration policy, adaptation strategies, labour migrants, immigrants, urban space, «migrants clusters».